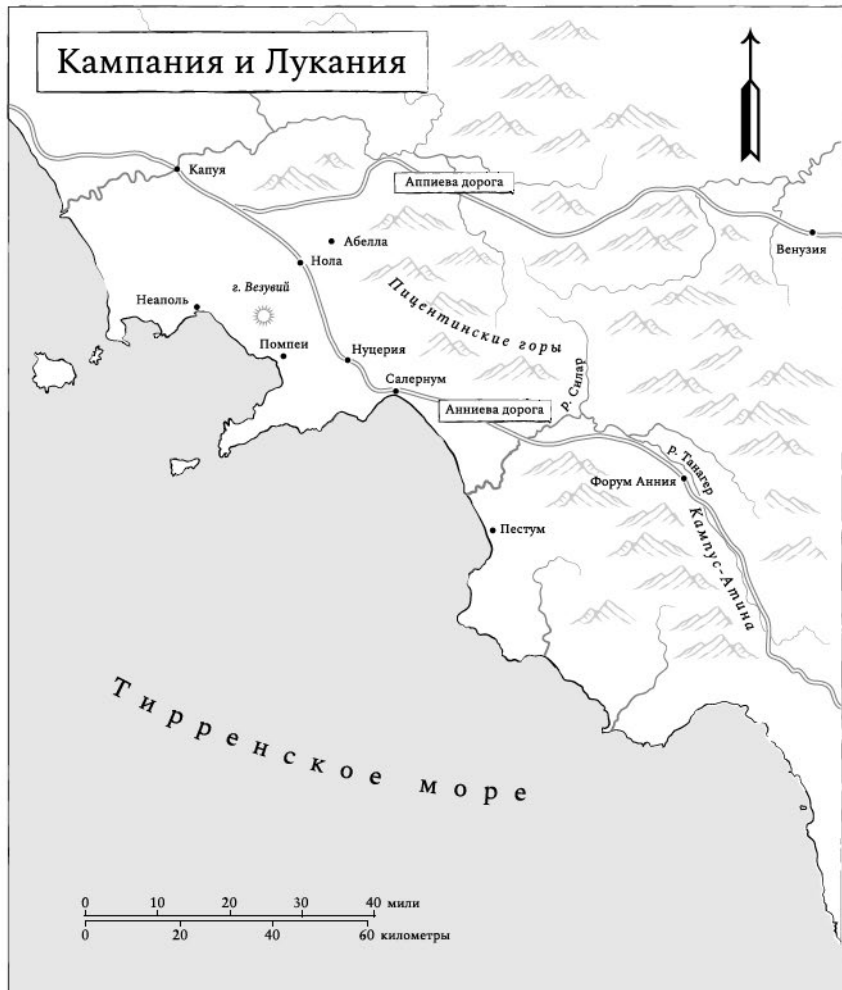

*Посвящается
моему брату Стефану*

Италия
в I веке до н. э.

Кампания и Лукания

ГЛАВА I

Юго-запад Фракии, 74 год до н. э., осень

Когда на вершине отдаленного холма наконец-то показалось селение, радость захлестнула его. Дорога из Вифинии была долгой. Он стер ноги до волдырей, мышцы гудели, а спина болела от тяжести кольчуги. От холодного ветра ныли уши, и он ругал себя за то, что не купил меховую шапку в деревеньке, которую проходил двумя днями раньше. А все потому, что привык обходиться вместо тракийского алопексиса¹ из лисьего меха войлочным подшлемником, если нужно, то с бронзовым шлемом. Но в такую суровую погоду теплая одежда куда лучше воинского снаряжения. Боги, как же ему хотелось поспать под крышей! На путешествие из римского лагеря после увольнения со службы ушло больше полутора месяцев, а зима быстро приближалась. Путь должен был занять вдвое меньше, но на третий день его конь захромал. С тех пор путешественник шел пешком, чтобы не покалечить животное; самое тяжелое, что на него можно было нагрузить, — это щит и снаряжение.

— Любого другого коня я бы давно уже пожертвовал богам. — Мужчина дернул кожаный повод трусившего за ним белого жеребца. — Но ты хорошо мне служил последние годы. — Конь заржал, и путник улыбнулся. — Нет, яблок у меня не осталось. Но сегодня ты получишь достаточно еды. Мы уже рядом с домом, хвала Всаднику².

¹ *Алопексис* — головной убор, известный еще со времен Древней Греции.

² Речь о фракийском боге-всаднике, известном под разными именами, например именем Герос, родственным греческому «герой».

Дом. Сама мысль о нем казалась нереальной. Что это слово значит для него после стольких лет? Он сможет наконец увидеть отца, хоть тот уже и превратился в старика. Ветеран много лет не был дома — сражался за Рим, силу, которую ненавидели все фракийцы и которой тем не менее служили. Он пошел на эту службу ради благого дела. «Изучить их методы ведения войны, чтобы однажды использовать это знание против них. Отец хорошо придумал». Это оказалось невероятно трудно — подчиниться приказам тех, против кого он воевал; людей, которые, возможно, убили его брата и захватили его землю. Но оно того стоило. Он многому научился у этих мерзавцев. Например, безжалостно дрессировать солдат, пока они не начнут биться как единое целое. Как важно подчиняться приказам, даже в пылу битвы. А еще готовить бойцов, чтобы они оставались стойкими даже в самых сложных ситуациях. Дисциплина. Дисциплина и организация — вот два краеугольных камня.

«Не только желание изучить их военное искусство заставило тебя покинуть родной дом», — напомнил внутренний голос. Последнее поражение от римлян едва не уничтожило его племя. Не осталось ни единого шанса взять реванш, да и вообще сражаться с кем-либо. А он — воин, почитающий бога-всадника. И любит войну. Кровопролитие. Убийство. Служба римлянам дала возможность участвовать в их бесконечных военных кампаниях. И вопреки всему, что они сделали с его народом, мужчине нравилось сражаться бок о бок с ними.

«Я уже наелся этого досыта. Пора остановиться. Найти женщину. Завести семью». Он улыбнулся. Когда-то он отнесся бы к таким мыслям с пренебрежением. Теперь же они казались ему привлекательными. За время службы в легионе он повидал немало такого, от чего можно и поседеть. И ко всему привык. В пылу сражения сам поступал как римляне, но грабеж беззащитных становищ и селений, изнасилованные женщины, убитые дети — к этому у него душа не лежала.

— Потребуется пара лет на тщательное обдумывание планов. Время войны еще наступит, — сказал он жеребцу. —

А пока мне нужна хорошая фракийская женщина, чтобы завести с ней кучу детишек. — (Конь легонько куснул хозяйку за локоть в надежде на угощение.) — Если хочешь ячменя, давай-ка двигаться дальше, — ласково проворчал путник. — Я не собираюсь останавливаться и вешать тебе торбу, когда до села рукой подать.

Наверху слева что-то скрежетнуло по камню, и он беззвучно выругал себя за утрату бдительности. Если он никогда сегодня не встретил на этом суровом пути, это еще не значит, что тот безопасен. Однако же боги были благосклонны к нему на протяжении всего его путешествия из Вифинии. В это время года из-за плохой погоды большинство фракийцев предпочитали сидеть дома, смазывать и укладывать на хранение оружие, готовясь к следующему сезону битв. Хорошее время для одинокого путника.

«Еще повезло, что до сих пор не нарвался на разбойников. А эти что-то чертовски близко к моему селу. Хоть бы их не оказалось слишком много». Притворяясь, будто решил размять плечи, путник покрутил головой, оглядываясь. Трое или четверо наблюдали за ним из укрытий на каменистых склонах с двух сторон от ухабистой дороги. Похоже, вооружены были дротиками — обычное дело для Фракии. Путник взглянул на луженый бронзовый шлем, свисающий из выюка на боку жеребца, и решил не надевать его. Мало кто из пельтастов¹ способен попасть человеку в голову. Что же касается щита, его он успеет схватить, когда первые дротики еще будут в воздухе. Если в него все же попадут, возможно, защитит кольчуга. А вот отвязывать метательное копьё слишком долго. Придется биться сикой, изогнутым фракийским мечом, что висел на позолоченном ремне перевязи. Шанс выйти живым был. Если только разбойники не отличаются особой меткостью. «Великий Всадник, присмотри за мной с мечом наготове».

— Я знаю, что вы там! — крикнул он. — Можете не прятаться!

¹ *Пельтаст* — греческий термин, обозначающий пехотинцев, метавших дротики.

Раздался хриплый смех. Один из бандитов встал шагах в тридцати от путника. С узкого лица, покрытого шрамами, смотрели безжалостные глаза. Вышитый шерстяной плащ распахнулся, открывая поношенную тунику длиной до середины бедра. На макушку разбойник нахлобучил засаленную лисью шапку. Ноги у него были худые, а высокие сапоги из телячьей кожи знавали лучшие времена. В левой руке он сжимал пельгу, щит в форме полумесяца с торчащим из-за него запасным дротиком, а в правой — легкое копьё, уже занесенное для броска.

Доспехов не было, и, кроме дротиков, путник заметил у разбойника лишь кинжал. Неплохо. Вряд ли приятели этого типа вооружены лучше.

— Какой у тебя хороший конь, — сказал головорез. — Жаль только, что хромой.

— Хромой. Иначе вы, говнюки, меня и не разглядели бы за поднятой пылью.

— Но он хромой, а ты пеший и один, — фыркнул другой.

Путник поднял голову. Второй разбойник был старше первого, с морщинистым лицом и седеющими волосами. Его одежда из конопляной ткани была такой же потрепанной, но в задумчивом взгляде читалась неистовая алчность. При всем его нищенском виде у разбойника имелся щит хорошей работы, а дротик явно привычно лежал в правой руке. Этот был самым опасным из всех. Вожак.

— Вы, я полагаю, хотите жеребца, — продолжил разговор путник.

— Ха! — Из укрытия встал третий. Этот оказался крупнее своих товарищей; руки и ноги его бугрились мускулами, и вместо дротика он был вооружен большим щитом-пельгой и зловещего вида дубинкой. — Мы хотим все. Твоего коня, твоё снаряжение и оружие. Твои деньги, если они у тебя есть.

— Да и еду заберем! — Четвертый разбойник оказался худым как скелет, с запавшими щеками и землистым, нездоровым лицом. Этот был без щита, но с тремя легкими копьями.

— А если я отдам вам это все, вы меня отпустите? — Из-за холода у него изо рта вырывался пар.

— Конечно, — пообещал первый, его тусклые, мертвые глаза и смешки его товарищей выдали ложь.

Путник не стал утруждать себя ответом. Он развернулся, негромко бросив жеребцу: «Стоять!» Когда сунул руку под большой круглый щит и рванул державший его ремень, мимо просвистел дротик. Следом по дуге пониже пошел другой и вонзился в пыль между копытами коня. Тот заметался.

— Спокойно! — приказал путник. — Ты не раз бывал в такой передраге.

Успокоенное голосом хозяина животное остановилось.

— Эагр, дурень, прекрати! — крикнул вожак. — Если ранишь коня, я тебя лично выпотрошу!

«Прекрасно. Дротиков больше не будет. Жеребец слишком ценен». Прижавшись спиной к крупу скакуна и вскинув щит, бывший легионер развернулся. Костлявый разбойник зашел ему в тыл, но метнуть копьё не рискнул. Равно как и его сообщники. Вытащив из ножен сику, путник мрачно усмехнулся:

— Вам придется спуститься и сразиться со мной.

— Ладно! — прорычал первый.

Он съехал по склону, тормозя каблуками. Двое товарищей последовали его примеру. Путник услышал, как позади спускается тощий разбойник. Жеребец оскалился и гневно заржал. «Пусть этот тип только попробует подойти поближе».

Бандиты остановились посоветоваться.

— Готовы? — насмешливо поинтересовался путник.

— Сукин сын! — рывкнул вожак. — Поглядим, как ты посмеешься, когда я отрежу твои яйца и запихну тебе в глотку!

— У меня они хотя бы есть. А вот у вас — не похоже.

Лицо здоровяка исказилось от ярости. Заорав во всю глотку, он вскинул щит и дубинку и бросился на противника.

Путник сделал пару шагов вперед, убрал левую ногу за щит и подобрался. Сжал сику покрепче. «Нужно с ним быстро разделаться, чтобы не биться сразу со всеми».

К счастью, этот головорез был столь же тупым, сколь и самоуверенным. Стукнув щитом в щит противника, он замахнулся, метя дубинкой в голову. Приезжий уклонился и пригнулся. А потом ударил сикой за щит и перерезал здоровяку сухожилие под левым коленом. Пронзительно завопив, тот рухнул. Ему хватило ума прикрыться пельтой, но путник сшиб ее своим щитом и вонзил меч разбойнику в глотку. Бандит умер, захлебываясь собственной кровью.

Воин вырвал меч и пнул труп.

— Кто следующий?

Вожак прошипел приказ костлявому, а потом они с разбойником в шапке разошлись в стороны. Они принялись обходить свою жертву с боков, беря в клещи.

Жеребец снова заржал и встал на дыбы. Бывший легионер шагнул вперед, отводя коня с пути. Мгновение спустя раздался сдавленный крик и глухие удары копыт, ломающих кости, а потом — удар тела об землю.

— Может, мой конь и хромой, но по-прежнему норовистый, — спокойно произнес путник. — Мозги твоего друга, должно быть, украсили дорогу.

Двое оставшихся грабителей потрясенно переглянулись.

— Даже не думай сбежать! — предупредил вожак. — Эагр был сыном моей сестры. Я отомщу за его смерть.

Путник как бы случайно чуть-чуть опустил щит, приоткрывая шею. «Надеюсь, кто-нибудь из них клюнет».

Разбойник в лисьей шапке стиснул зубы.

— Да плевать на этого коня! — крикнул он, швыряя дротик.

Воин даже не попытался уклониться. Он просто вскинул щит и принял дротик на многослойное дерево и кожу. Острый железный наконечник вонзился в щит на глубину двух пальцев, но бойца не зацепил, и он тут же швырнул щит в головореза. Тот отскочил, уворачиваясь от удара. Но вот чего он не ожидал, так это того, что путник кинется

следом за летящим щитом. И когда разбойник ткнул в противника вторым дротиком, тот просто смёл дротик в сторону.

А потом, используя инерцию движения, впечатал левый кулак грабителю в лицо. От силы удара голова откинулась назад, и разбойник не успел заметить сику, вонзившуюся в его плоть там, где шея смыкается с корпусом. Разбрызгивая кровь, он рухнул с удивленным видом на дорогу. Алая струя, пульсирующая в ритме сердца, оросила землю вокруг убитого. «Трое готовы, но остался самый опасный».

Путник быстро развернулся, уверенный, что вожак попытается заколоть его со спины. Это и спасло его: дротик скользнул по кольчуге. Разбойник, потеряв равновесие, пролетел вперед и споткнулся. А потом, получив мощный удар левой в лицо, грохнулся на задницу, попутно выронив оружие.

Он уставился на путника с ужасом в глазах.

— У меня жена... с-семью к-кормить надо... — запинаясь, пробормотал разбойник.

— Тебе следовало подумать об этом прежде, чем устраивать засаду на меня! — рывкнул путник в ответ.

Бандит закричал: сика вонзилась в его живот, разрезая внутренности. Всхлипывая от боли, вожак ожидал смертельного удара. Но его не последовало. Он остался лежать, беспомощный, то теряя сознание, то снова приходя в себя.

Несколько мгновений спустя он открыл глаза. Его убийца бесстрастно наблюдал за ним.

— Не оставляй меня умирать! — взмолился вожак. — Даже Котис не поступил бы так с человеком.

— Котис?! — Не услышав ответа, бывший легионер пнул свою жертву. — Ты собирался отрезать мои яйца и скормить их мне. Забыл?

— П-пожалуйста! — сквозь боль просил разбойник.

— Ну ладно.

Сика взметнулась.

— Ради всех богов, кто ты такой? — прошептал бандит.

— Просто усталый путник на хромом коне.

Удар клинка — и глаза грабителя распахнулись в последний раз.

Ариадна зачесала волосы назад и осторожно воткнула пару костяных шпилек в длинные черные пряди, закрепляя их. Усевшись на трехногий табурет перед низким деревянным столиком, она повернула бронзовое зеркало так, чтобы уловить тусклый дневной свет, проникающий в хижину через открытую дверь. Этот обработанный кусок золотисто-красного металла был ее единственным предметом роскоши, и она время от времени пользовалась им, чтобы напомнить себе, кто она такая. Сегодня был подходящий для этого день. Для подавляющего большинства жителей селения она не была ни женщиной, ни родственницей, ни подругой. Она была жрицей Диониса, и за это ее почитали. Большую часть времени Ариадну вполне это устраивало. Прежде она и мечтать не могла о таком высоком положении. Но статус жрицы не отменял свои собственные нужды и мечты. «Что плохого в том, чтобы желать себе мужчину? Мужа?» Ариадна поджала губы. На данный момент единственным, кто выказывал к ней интерес, был Котис, царь племени мёзов¹. А конкурентов он не терпел. Те, кто переходил дорогу Котису, быстро умирали, — во всяком случае, так гласили слухи. Не то чтобы женихов когда-нибудь было много — с горечью подумала девушка. Мужчина, которому хватает храбрости приударить за жрицей, воистину редкий зверь.

Ариадна не ценила докучливых ухаживаний Котиса и не желала их, но не чувствовала в себе сил их остановить. Он пока не перешел к откровенным домогательствам, но девушка была уверена, что обязана этим исключительно своему положению — и ядовитой змее, которую она держала в корзинке у постели. Положение осложнялось тем, что она вынуждена была оставаться в селении. Ее послали сюда верховные жрицы из Кабиле, единственного фракийского

¹ Мёзы (мисы) — группа фракийских племен.

города, находящегося далеко на северо-востоке. Назначение оказалось пожизненным.

Если она вернется в Кабиле, то будет до конца дней своих выполнять грязную работу при главном храме.

О том, чтобы вернуться к семье, и речи быть не могло. Хотя Ариадна любила мать и молилась за нее каждый день, к отцу она испытывала лишь два чувства. Первым была ненависть, вторым — омерзение. Чувства эти зародились в ужасном детстве. Все ее существование состояло тогда из побоев и унижений, а то и чего похуже, и все это от рук собственного отца. Воин из племени одрисов¹ ненавидел дочь за то, что она, его единственный ребенок, — не мужчина. В те долгие годы мучений ее способом отрешиться от действительности были молитвы Дионису, богу виноделия и религиозного экстаза. Ариадна и по сей день верила, что Дионис помог ей пережить нескончаемое насилие.

Ей никогда в голову не приходило, что можно сбежать от отца как-то иначе, чем через брак. Ариадне просто некуда было идти. Но потом, в ее тринадцатый день рождения, все изменилось. Забитая мать убедила отца позволить дочери посетить храм Диониса в Кабиле — как возможной кандидатке в жрицы. Когда девочка оказалась там, ее глубокая вера произвела впечатление на жрецов, и ей позволили остаться. С тех пор миновало больше десяти лет, но Ариадна до сих пор не испытывала ни малейшего желания вернуться домой. Разве затем, чтобы убить отца, — но это было бы бессмысленно. Как жрица, она стояла выше обычных женщин, но отцеубийцу ничто не спасет.

Нет, наилучшим вариантом для нее было перетерпеть ухаживания Котиса — Дионис, пусть его внимание поскорее привлечет какая-нибудь большеглазая красотка! — и обосноваться здесь. Прошло всего шесть месяцев с того момента, как она прибыла сюда, в главное селение племени мёзов. Не так уж много. Ариадна вскинула голову. Конечно, существовал и другой вариант. Если Котиса свергнут, его

¹ *Одрисы* — крупное фракийское племя.

место может занять человек получше. Она пробыла здесь достаточно долго, чтобы почувствовать: люди недовольны его правлением. О предыдущем царе, Ресе, и его сыне Андриске, особо не жалели, а вот Ситалк, человек из уважаемого рода, который мог бы сменить их, пользовался популярностью. Об этом старались не говорить там, где разговоры могли услышать телохранители Котиса, но многие с ностальгией вспоминали о Ситалке и двух его сыновьях — один из них погиб в битве с римлянами, а второй ушел служить завоевателям, да так и не вернулся.

«Если бы кто-то решился сделать шаг и разжечь тлеющую ненависть против Котиса!» — подумала Ариадна. Короткий жестокий бой, и с этим скотом будет покончено. Не в первый уже раз она прокляла судьбу за то, что родилась женщиной. «За мной никто не последует». Девушка принялась изучать в бронзовом зеркале лицо в форме сердечка, с прямым носом, высокими скулами и решительным подбородком, обрамленное черными локонами. А еще Ариадна была обладательницей кремово-белой кожи, что не отражает гладкая бронза, совершенно не подходящей для палящего фракийского солнца. Предплечья жрицы украшали завитки узоров из вытатуированных точек. У девушки были худые, но мускулистые плечи и маленькая грудь. Что Котис в ней нашел? Не красавица. Внешность, быть может, яркая, но ничего особенного. В голову пришел лишь тот же ответ, что и всегда: он просто желает усмирить непокорную гордячку. Ариадна высоко ценила свой мятежный характер. Благодаря эмоциональности она с легкостью входила в транс менады и достигала состояния, в котором можно встретиться с Дионисом и узнать, чего он желает. «Мой дух не принадлежит никому из мужчин! — яростно подумала Ариадна. — Только богу!»

Девушка перешла к своей незамысловатой постели в углу хижины — одеяло поверх тонкого слоя соломы. На таких спали все жители селения. Фракийцы славились аскетичностью, и в этом Ариадна от них не отличалась. Она набросила темно-красный шерстяной плащ. Он не только обозна-

чал ее статус, но и укрывал ночами. Потом Ариадна взяла плетеную корзинку, стоящую в изножье кровати, и поднесла ее к уху. Тишина. Неудивительно. Змея в корзинке плохо переносила промозглую осень, и самое большее, что могла сделать жрица, — время от времени вывести рептилию из оцепенения и обернуть вокруг собственной шеи перед совершением обряда в храме. К счастью, этого несложного приема хватало, чтобы вызвать трепет у жителей селения. Для самой же Ариады змея была всего лишь инструментом, позволяющим поддерживать окружающую ее атмосферу таинственности. Девушка уважала это существо и, по правде говоря, немного побаивалась его, но в Кабиле ее в полной мере обучили обращаться со змеями.

Прихватив корзинку, Ариадна вышла. Ее прямоугольную хижину, как и большинство других в селении, построили из переплетенных веток, густо обмазанных глиной. Двускатную крышу покрывала смесь глины с соломой; в одном конце находилось отверстие для дыма. Позади хижины проходил вал, окружающий жилые помещения Котиса. Это была дополнительная линия обороны внутри укреплений селения, подчеркивающая особое положение царя и защищающая от возможных бунтов местных жителей. По бокам располагались другие хижины, обнесенные загородками, — там хозяева держали домашний скот. Жилища стояли вдоль извилистых тропинок, пересекающих обширное селение. Они, так же как навозные кучи и груды мусора, разрослись за те века, что здесь обитали люди. Ариадна была бесконечно рада, что ее хижина находится на достаточном расстоянии от этих необходимых, но зловонных куч.

Она пошла по переулку к центру селения, отвечая на почтительные приветствия встречных сдержанной улыбкой или кивком. Женщины с младенцами и старики просили ее благословения или совета, но в то же время все, кроме храбрейших воинов, старались избегать ее взгляда. Дети же разделились на две группы: те, кто ее боялся, и те, кто просил показать змею. Первых было куда больше, чем вторых. Мало что нарушало одиночество Ариады. Она прогнала меланхолию. Бог пошлет ей мужчину, если сочтет это

нужным. А если и не сочтет, она все равно будет верно служить Дионису, как обещала при посвящении.

Тропа перед ней вильнула, и показалась группа богато одетых воинов. У Ариадны екнуло сердце. Не только заносчивость мужчин подсказывала, кто они такие. Их красные туники с длинными рукавами и вертикальными белыми полосами, бронзовые шлемы искусной работы и инкрустированные серебром наголенники просто кричали о статусе и важности, равно как и их хорошие дротики, мечи-копья и длинные изогнутые кинжалы. Ариадна беззвучно выругалась. Где столько телохранителей, там где-нибудь поблизости и Котис. Бросив взгляд влево, она поздоровалась с пожилой женщиной, мужа которой недавно лечила. Та тут же разразилась хвалами Дионису. Улыбаясь, жрица подошла к хижине женщины, повернувшись спиной к тропинке. Немного везения, и телохранители ее не заметят. Может, они даже не ее ищут.

— Жрица!

Ариадна мысленно выругалась. Она продолжала слушать тараторящую старуху, но тот же голос раздался снова, прямо у нее за спиной:

— Жрица!

Путник не стал задерживаться на месте неудавшейся засады. Конечно же, взять у разбойников было нечего. Он почистил меч, выдернул из щита вонзившийся дротик и снова привязал щит к вьюку на спине коня. Оставив трупы валяться, зашагал к селению. Если им повезет, они доберутся туда до темноты. Думать о другом варианте было невыносимо. Тускло-желтые тучи в небе грозили ранним снегопадом. Однако же удача его не покинула. То ли дело в азарте, бурлящем в жилах скакуна после боя, то ли вмешался Великий Всадник — этого путник не знал, — но теперь жеребец, похоже, куда свободнее наступал на больную ногу. Когда упали первые хлопья, до селения было уже рукой подать.

Воздух прорезало громкое блеяние, и путник поднял голову. Маленький мальчик в компании пары собак гнал к дороге стадо овец и коз.

— Не одни мы стремимся в укрытие, — сказал бывший легионер коню. Они остановились, давая парнишке возможность завести своих негодующих подопечных на каменную дорогу. — Надвигается непогода. Ты мудро поступаешь, что идешь домой, — дружески произнес путник.

Мальчик остановился.

— Ты кто? — с подозрением спросил он.

— Меня зовут Пейрос, — соврал путник. Даже совсем рядом с домом ему не хотелось раскрывать, кто он такой на самом деле.

— Никогда о тебе не слышал, — последовал быстрый ответ.

— Ты, наверное, еще ползал по медвежьей шкуре у ног матери, когда я покинул селение.

Настороженности во взгляде мальчика поубавилось.

— Возможно.

Он погнал последних овец и коз на дорогу, вопя и размахивая руками. Псы носились туда-сюда, подгоняя отстающих. Путник наблюдал. Когда все стадо благополучно спустилось, он зашагал рядом с юным пастухом.

— Как там Рес? — спросил он.

— Рес? Старый царь?

— Да.

— Он умер четыре года назад. Мор его забрал.

— Так, значит, теперь правит его сын Андриск?

Мальчик презрительно взглянул на собеседника:

— Смотрю, ты действительно был в далеких краях. Андриск тоже мертв. — Он настороженно огляделся и прошептал: — Убит, как и Ситалк. — Мальчик заметил ужас в глазах путника. — Знаю, это плохо. Мой отец говорит, что в конце концов Великий Всадник накажет Котиса, но пока что нам приходится жить с ним.

— Котис убил Ситалка?

— Да, — ответил паренек и сплюнул.

— И он теперь царь?

Кивок.

— Ясно.

Воцарилось молчание. Мальчик не решился его нарушить. Он бы не сознался в этом, но мрачный путник его пугал. Мгновение спустя мужчина остановился.

— Ты иди. — Он указал на своего жеребца. — Его нельзя заставлять слишком долго идти из-за больной ноги. Встретимся в селении.

Облегченно кивнув, мальчик погнал стадо дальше. Путник подождал, пока тот отойдет, и закрыл глаза. Его грызла вина. «Если бы только я был здесь, все могло пойти иначе». Но он не дал волю чувствам. «А может, и нет. Они бы и меня убили. Отец был прав, когда решил отослать меня». Отчего-то он был уверен, что Ситалк не стал бы ничего менять. Как бы то ни было, весть об убийстве отца ввергла его в печаль. Он вспомнил Ситалка таким, каким видел его в последний раз: сильного, стройного, здорового. «Покойся с миром». Он хотел лишь одного — попасть домой. Ведь его служба у ненавистных врагов закончилась. Узнать о смерти отца само по себе достаточно плохо, но, если Ситалка действительно убили, теплый прием его не ждет. Да и отдых тоже. Но все же ему даже в голову не пришло развернуться и отправиться обратно. Придется мстить. Этого требовала честь. И, кроме того, куда ему идти? Снова на службу, в легион? «Конечно нет». Настало время вернуться, какой бы прием его ни ждал. «Великий Всадник, я не сомневаюсь в твоей воле. А взамен я прошу защитить меня, как ты делал всегда, и помочь мне покарать убийцу моего отца». То, что для этого требовалось убить царя, несколько не ослабило его решимости.

— Пойдем, — сказал он жеребцу. — Отыщем тебе какой-нибудь закуток и немного еды.

Ариадна медленно повернулась:

— Поллес? Какая неожиданность. — Она даже не пыталась скрыть ледяного тона. Может, Поллес и воин Котиса,

но прежде всего он — заносчивый громила, злоупотребляющий властью.

— Царь желает говорить с тобой, — растягивая слова, произнес Поллес.

Несмотря на видимость вежливости, это был приказ. «Да как он смеет?!» Ариадна заставила себя сохранять невозмутимое выражение лица.

— Мы разговаривали не далее как вчера.

Тонкие губы Поллеса изогнулись в жалком подобии улыбки. Все в нем, от поразительно красивого лица до длинных черных волос и умощенных маслом мускулов, отдавало большим самолюбием.

— И тем не менее он желает... снова насладиться твоим обществом.

Ариадна уловила короткую, но явно намеренную паузу в его речи. Судя по смешкам других воинов — они тоже. «Грязный подонок, — подумала она. — В точности как его хозяин».

— Когда?

— Ну, сейчас, — удивленно ответил громила.

— И где он?

Поллес лениво махнул куда-то за спину:

— На центральной площади.

«Там, где все могут его видеть».

— Я скоро подойду.

— Котис послал нас сопроводить тебя к нему. Немедленно, — нахмурившись, проговорил Поллес.

— Может, он вас и послал, но я сейчас занята. — Ариадна указала на лебезящую старуху. — Ты что, не видишь?

Поллес покраснел от раздражения:

— Я...

— Или желания царя важнее трудов в честь бога Диониса? — поинтересовалась Ариадна, приподнимая крышку корзины.

— Нет. Конечно нет, — пяясь, отозвался Поллес.

— Вот и хорошо. — Ариадна повернулась к нему спиной.

Позади раздалось гневное бормотание:

— Не знаю я, что тебе сказать царю. Скажи, что мы ее не нашли. Скажи, что она в трансе... Сделай что-нибудь! — рывкнул Поллес.

Ариадна услышала удаляющийся топот и позволила себе слегка улыбнуться. Однако же ее разговор со старухой вскоре заглох. Неудивительно. Если в нескольких шагах от тебя стоит царский охранник и злобно на тебя таращится, кто угодно испугается. Благословив старуху, Ариадна взглянула на Поллеса:

— Я готова.

Тот неуклюже кивнул. Воины окружили жрицу, умело сомкнув ряды, и Поллес повел их вперед, рывкая на всякого, кому хватало глупости оказаться у него на пути. Вскоре они добрались до большой круглой площади в окружении десятка хижин. Женщины несли выстиранное белье с реки, сплетничая по пути. Дети разного возраста играли или дрались в грязи, а тощие дворняги в возбуждении прыгали вокруг них, оглашая воздух пронзительным лаем. Над крышей кузницы поднимался дым. Изнутри доносился стук молота по наковальне. Несколько мужчин ждали снаружи с поврежденным оружием в руках. На площади стояли деревянные прилавки: здесь торговали изделиями из металла, шкурами и самым необходимым вроде зерна, горшков и соли. Здесь же располагались жалкий постоялый двор и три храма, посвященные Дионису, богу-всаднику и богине-матери. Вот и все.

Подобно собратьям-фракийцам, мёзы не склонны зарабатывать на жизнь торговлей. Их земли были бедны природными богатствами. Земледелие лишь позволяло выжить или немногим более, так что мёзы сделались бойцами, чей смысл существования сводился к войне, как на своей земле, так и за ее пределами. И облик местных мужчин это доказывал: в основном то были крепко сбитые воины, смугловатые шатены или рыжие. Возраст самый разный, от юношей до седобородых, но всех отличала уверенность в себе.

Носили в этих местах, как правило, складчатые туники с короткими рукавами самых разных цветов — от красного и зеленого до коричневого и кремового, сандалии или кожаные башмаки. Многие надевали вездесущий алопексис, остроконечную шапку из лисьего меха, с длинными ушами. У тех, кто побогаче, на шее красовались бронзовые или золотые гривны. И у каждого на поясе или перевязи висел меч или кинжал, а то и оба сразу.

Поллес со своими людьми привлекали всеобщее внимание. Ариадна чувствовала, как давят на нее взгляды зевак, когда она с сопровождающими шла к храму Диониса. Храм превышал размерами большинство здешних зданий; по обе стороны от входа в него высились квадратные каменные колонны. Она слышала шепотки в толпе. Эти люди были достаточно храбры, чтобы идти в бой, но пасовали выступить против возмущавшего их царя. Девушка ненавидела их. Ариадна чувствовала себя очень одинокой.

Царь ждал у дверей храма. По бокам от него замерли телохранители, а перед ним толпились воины. Смотрелся он весьма внушительно. Котису было около пятидесяти, но выглядел он лет на десять моложе. В волнистых черных волосах не было ни намека на седину, а хитрое лисье лицо почти не тронули морщины. Поверх пурпурной туники длинной по колено на Котисе был железный доспех с золотой отделкой и парными нагрудными украшениями из того же драгоценного металла. Многослойные льняные птериги¹ закрывали пах, а голени защищали наголенники, инкрустированные серебром. На позолоченном поясе, в ножнах, усеянных янтарем, висел меч с рукоятью из слоновой кости. На голове Котиса красовался богато изукрашенный аттический шлем, символизирующий его царскую власть.

Пока воины Поллеса вели Ариадну сквозь толпу, Котис жадно оглядывал девушку.

— Жрица! Наконец-то ты удостоила нас своим присутствием! — воскликнул он.

¹ *Птериги* — элемент доспеха.

Кейн Б.

К 33 Спартак. Гладиатор : роман / Бен Кейн ; пер. с англ. О. Степашкиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 512 с. — (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-20753-0

История сохранила очень мало сведений о Спартаке. Мы знаем, что он родом из Фракии, самого северного региона древней Эллады; что его продали в рабство и вынудили сражаться на аренах; что на протяжении двух лет возглавляемая им армия рабов громила легионы, едва не поставив Рим на колени.

В этой книге мы встречаемся со Спартаком, когда он, ветеран многих войн, возвращается на родину, надеясь обзавестись семьей и домом. Но на фракийском троне теперь сидит новый царь, узурпатор; он тотчас приказывает схватить Спартака и продать римскому работоторговцу, который ищет новых гладиаторов. Так начинается одиссея, которой предстоит стать одной из величайших легенд. Судьба Спартака будет вдохновлять революционеров от Карла Маркса до Че Гевары, его образ обессмертят Рафаэлло Джованьоли и Кирк Дуглас. А теперь Спартак оживает на страницах блестящего бестселлера Бена Кейна.

Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

БЕН КЕЙН
СПАРТАК. ГЛАДИАТОР

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Редактор Валентин Вайс
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректоры Светлана Федорова, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 26.05.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 32.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-88И-29657-01-Р